

Колдовские

Миры

ТАТЬЯНА БОГАТЫРЕВА
ЕВГЕНИЯ СОЛОВЬЕВА

Загробная жизнь дона АНТОНИО

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44
Б73

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Богатырева, Татьяна Юрьевна.
Б73 Загробная жизнь дона Антонио / Татьяна
Богатырева, Евгения Соловьева. — Москва:
Издательство «Э», 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-699-88798-9

Слава капитана Генри Моргана гремит от Средиземноморья до Карибов. Но никто не знает, что самый удачливый пират семи морей — на самом деле девушка, дочь морского фейри и опальная наследница герцогства, сбежавшая из-под ненавистного венца и от костра инквизиции. Марине удастся отомстить, но на нее падает проклятье. Даже могущественная ведьма не в силах снять его, но она может дать подсказку: ищи феникса. Вот только кого найдет Марина? Ведь феникс — это страсть, наваждение, смерть и возрождение. И чтобы очиститься в его пламени, придется поверить в невозможное и рискнуть всем..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88798-9

© Богатырева Т. Ю., Соловьева Е. С., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

История, рассказанная за кружкой верескового меда
в таверне «Девять с половиной сосисок»

Все таверны чем-то похожи друг на друга, и когда ты открываешь тяжелую дверь, становится неважно, какой на дворе век — двадцать первый или шестнадцатый — и что ты оставляешь позади — мир информационных технологий или мир не ушедших в свои холмы сидхе и ждущих на скалах сирен. Заходи в таверну, отведай ароматных, настоянных на вересковом меду историй, протяни руку к очагу и угости саламандру ломтиком ежевичного пирога, а белую собаку с красными ушами, что льнет к тебе и заглядывает в глаза, — жареной поросычьей ногой. Послушай старого валлийца Неда — у него всего один глаз, зато, говорят, этот глаз видел самого капитана Моргана и двух королей, Марию Кровавую и Изабеллу Кастильскую. Что, они жили в разное время и не подавали руки одноглазому пирату? Да ну. Еще скажи, что Одиссей выдумал сирен, чтобы оправдаться перед Пенелопой за недельный загул в ближайшем кабаке!

Оглянись: за окнами хлещет ливень и бьют молнии, разбиваются корабли и сердца. Самое время послушать одну из правдивых историй старого Неда, рассказанную нарочно для тебя. Историю о крови, смерти и любви, о тайнах и предательстве, о волшебстве и... Бери же кружку верескового эля, садись к огню и слушай рассказ об одной из последних дочерей дивного народа.

Часть первая

ФАТА МОРГАНА

Глава 1,

*в которой рассказывается о маленькой девочке,
силе и слабости*

При крещении ей дали обыкновенное и скучное имя Морвенна Лавиния, леди Вудвилл. Старина же Нед, ее бессменный хранитель, пестун и наставник, звал ее Мариной. Морской. И были у него на то причины, уж поверь. Здесь, в Уэльсе, никому и в голову не приходило сомневаться, что дочку герцогу Торвайну подкинули фейри из холмов. В отличие от брата-двойняшки, истинного человека, равно похожего на отца и мать и ни капельки — на дивный народ.

Они росли вместе семь лет, не разлучаясь ни на миг, вместе учились грамоте и верховой езде, вместе ходили под парусом и слушали, как отец разбирает споры вассалов. Кухарки с конюхами не уставали шушукаться об удаче, посетившей герцогский род. Древний, почти угасший род. Говорят, если б не фейри из холмов, не было бы на свете и бабки нынешней герцогини, так что удачи досталось вдвойне...

Но не будем забегать вперед, впрочем, и назад тоже. Остановимся посередке, аккурат сегодня. А сегодня, в день тридцать второй месяца мая года от Рождества Христова тысяча шестьсот... Ч-ш-ш! Молчи! Здесь, в старом Уэльсе, среди зеленых холмов, обязательно бывает тридцать второе мая. Пусть и не

каждый год. Но в этом году, тысяча семьсот двадцать... забыл каком, этот день точно был. Потому что старый Нед помнит его, как будто тот случился вчера или случится завтра... Не перебивай, а слушай дальше.

В этот чудесный день, когда весна и лето встречаются и танцуют ночь напролет веселые танцы во славу старых богов, в замке Торвайн никто не веселился и не танцевал. Замок мрачно и покорно ждал нового владельца, англичанина. Уже второго англичанина за два десятка лет, но если первый — отец юной леди Марины — пришелся зеленым валлийским холмам по душе, то от этого не ждали ничего хорошего.

Прежде всего не ждала сама Марина. В ее четырнадцать лет и думать не хотелось о замужестве с чванливым, тщеславным и бесчестным чужаком, которому новая английская королева пожаловала герцогство вместе со всеми обитателями. Потому Марина с самого утра сидела у окна с книгой, жадно впитывая рассказ венецианского авантюриста о далеких землях и головокружительных приключениях.

Ты скажешь, что в тот век девицам на выданье подобало не читать книги, а молиться и вышивать? Что ж, благовоспитанным англичанкам книг и в самом деле не давали, потому как незачем женщине утомлять и без того невеликий ум. Но Марина была валлийкой, больше того — отец растил ее будущей герцогиней, полновластной хозяйкой обширных земель.

Он так же растил бы и сына, но мальчика забрало суровое валлийское море, оставив герцогу одну лишь дочь. О том, как это случилось и при чем тут

фейри и морское счастье, старина Нед тоже расскажет, но в другой раз.

Впрочем, герцог горевал недолго, а если и долго — то никому этого не показывал, и дочь свою учил не выставлять слез напоказ, а держать свои земли и своих людей крепкой хозяйской рукой, словно норовистого скакуна. Ведь не зря говорят, что каков капитан, таков и улов.

Но оставим дни прошлые мертвецам и вернемся к дням нынешним. К леди Морвенне Лавинии Вудвилл, герцогине Торвайн, и ее досточтимой матушке, леди Элейн. Прямо в парадный зал, куда и явился младший сын захолустного барона, сэра Валентин, верной службой короне заслуживший свое собственное герцогство.

* * *

— ...супругой станет леди Элейн, дочь последнего законного герцога Торвайн, — разносился под закопченными сводами старого замка резкий и гнусавый голос английского сэра Валентина. — А несчастный плод беззакония, Морвенна Лавиния, завтра же отправится в монастырь Святой Агнессы.

Марина так увлеклась разглядыванием столичного щеголя и его свиты, что не сразу поняла смысл его слов. То есть про монастырь она услышала, но вот что туда отправится она?! Она — плод беззакония?! Нет, этого не может быть! Объявить брак отца и матери недействительным, отправить ее в монастырь... Нет и нет!..

Матушка же говорила, что новой герцогиней станет она, Марина, и тогда они обе смогут спокойно

жить в своем замке, ведь сэру Валентину нужен лишь титул и доход, ну и наследники, конечно. Потом. Когда Марина войдет в возраст. А он — что ж он делает? Что он такое говорит?!

Немыслимо хотелось оборвать высокопарную речь чужака, крикнуть на весь зал, что она никакой не плод беззакония, а Морвенна Лавиния Вудвилл, герцогиня Торвайн, единственная законная наследница своего отца, и это ее дом и ее люди! И чтобы все они подтвердили — и матушка, и сэры Гвинн и Уриен, и граф Арвель, и все-все, кто остался в Уэльсе защищать их, своих герцогинь.

Но все-все молчали. Склонили головы, не глядя на Марину, и молчали. Только матушка легко сжала ее руку и шепнула: «Тихо, Морвенна».

«Истинная леди никогда не спорит, дочь моя. Наша участь — подчиняться господину своему мужу и Ее Величеству королеве», — прозвучало в ушах Марины, хоть матушка и не произнесла этого вслух. Но она достаточно часто говорила это раньше, чтобы Марина накрепко запомнила. Только следовать заветам матушки она не собиралась. Она не такая. Она — дочь своего отца. И она скорее утопится, чем отправится в монастырь! А лучше утопит столичного щеголя, и пусть отец на том свете ею гордится!

Но что она может против целого отряда английских узурпаторов? Жизнью девушки до замужества распоряжаются ее родители, а матушка не заступится за дочь. Слишком привыкла молчать и терпеть, что бы ни происходило вокруг.

Столичный щеголь словно услышал эти мысли, глянул прямо на нее. В его взгляде не читалось ниче-

го доброго. Холодный, жабий, даром что жабы не бывают такими белесыми. Пронизывающий насквозь. Захотелось отступить, спрятаться за верного и надежного Неда. Марина с трудом удержалась, чтобы не обернуться и не найти взглядом возвышающуюся над головами придворных и слуг рыжую макушку.

Нельзя.

Ни показать слабость, ни показать силу.

Англичанин, при всех своих кружевах и духах, не задумается ее убить, если заподозрит хоть малейшую возможность сопротивления. Если подумать здраво, то и монастырь для нее — милость, раз уж она не нужна ему как супруга. Непонятно, правда, почему. У матушки и здоровье слабое, и возраст уже... Правда, матушка красива. Очень. Марина совсем на нее не похожа: матушка статная, высокая, белокожая и черноволосая — редкая красавица. Таких на весь Уэльс одна, и во всей Англии похожей не сыщешь, не зря ж отец ее любил. Общего между матерью и дочерью — лишь белая кожа. Но к матушке загар не пристает, а вот Марина на солнце мигом становится медного цвета, и волосы совсем выгорают, до белизны. Это красиво, белые волосы. Отец говорил, что благородные дамы нарочно садятся на солнцепеке и развешивают волосы по полям шляпы, чтобы они выгорели и выбелились. Марина этого не видела, хоть и часто ездила вместе с отцом в столицу. Она даже научилась разбираться в столичных модах — отец говорил, что это обязательно нужно знать благородным леди. Отец много чему ее научил, и в том числе терпеть и делать невинные глаза. Тоже обязательная наука для леди.

Марина и делала. Невинные глупые глазки провинциальной девочки, умеющей лишь вышивать и

читать молитвы. Хотелось верить, что в замке не найдется никого, кто расскажет новому владельцу сказку о подкидыше фейри и правду об образованной леди, которую отец учил ездить верхом, различать породы лошадей и овец, владеть клинками и гроссбухами. Только не учил, что делать, когда ты одна и тебе всего четырнадцать, а с пришлым сэром целый отряд рыцарей и солдат. Наверное, и сам не знал. Отец умер вместе со своей королевой, на той же плахе. И теперь его дочь осталась одна.

Только плакать нельзя.

Сэр Валентин ее не пожалеет.

Никто сейчас не пожалеет — валлийским рыцарям не хочется на плаху вслед за своим герцогом. И ей не станет лучше, если они погибнут за нее.

Значит, монастырь?

Нет. Ни за что.

И топиться она не будет. Слишком это будет хороший подарок жабе Валентину.

Марина склонила голову под взглядом англичанина. Покорно, как подобает истинной леди. Прислушалась к шепоткам за спиной, в толпе слуг.

Ее жалели и оплакивали. Уже. И тихо радовались, что леди Элейн останется в замке. Все же она урожденная валлийка, а дети — что дети? Еще народятся, хоть и жаль юную леди. Но она не пропадет, подкидыши фейри не пропадают. Вот увидите, леди Марина еще вернется и покажет этому англичанину!..

Все это было тихо и немножко отчаянно, но приятно. Ее люди верят в нее. А значит — она и правда не пропадет. Она вернется домой, дайте срок! Так вернется, что белесая жаба ускачет в свое девонширское болото и даже квакнуть не посмеет! А если у ма-

тушки появятся дети... Ну что ж, Марина будет их любить. Фейри любят детей, истинные леди — тоже, а дочь герцога Джеффри с детьми не воюет.

Мысли о возвращении и вере поддерживали Марину весь остаток дня, пока камеристка собирала ей скудный сундучок в дорогу, а матушка давала последние наставления и плакала в кружевной платочек. Марине тоже хотелось плакать. Очень хотелось. Особенно когда матушка вынула из сундучка недочитанную книгу синьора Марко и, покачав головой, напомнила, что теперь Морвенне Лавинии подобает читать лишь богоугодные писания святых отцов. Быть может, когда-нибудь Морвенна станет аббатисой, ведь она — дочь герцога и достойна особенной доли. А пока следует быть послушной, строго следовать правилам монастыря и служением Господу заработать Его милость.

Матушка, несомненно, была права. И если бы Марина собралась в монастырь, она бы, без сомнений, стала аббатисой. Но монастырю ее не видать. Хоть Марину и сразу после торжественной встречи сэра Валентина отправили в свою комнату, готовиться к отъезду, она успела пройтись по замку и услышать много интересного. К примеру, что монастырь Святой Агнессы славится суровостью и отличным воспитанием для дочерей непокорных подданных короны. Девы там становятся тихими, послушными и богобоязненными. И чтобы такая ценная для короны личность, как Морвенна Лавиния Вудвилл, случайно не проехала мимо монастыря, ее будут сопровождать сразу четверо английских рыцарей, безусловно, верных сэру Валентину и королеве. Именно в такой последовательности — что показалось Ма-

рине немаловажным. Впрочем, то, что ее признали ценной, тоже. Значит, в словах сэра Валентина о плоде беззакония было больше бахвальства, нежели правды, и брак отца и матушки вовсе не признан Церковью недействительным.

Что хорошо. Будет. Потом. Когда она вернется домой. А она обязательно вернется и не будет лить слезы. Это просто с кухни луком пахнет.

Луком пахло нестерпимо, так что Марина щурилась и украдкой промокала глаза платочком. Даже когда матушка пожелала ей доброй ночи, поцеловала в лоб и ушла вниз, в парадный зал, ужинать вместе с будущим супругом, а в дверь тихонько постучался Нед.

Открыв дверь, Марина молча прислонилась к широкой груди, пахнувшей потом и железом, и бросила проклятый платочек на пол. Слезы полились рекой, дыхание прервалось и застряло в горле...

— Все будет хорошо, моя маленькая леди, — едва слышно пробасил Нед, подхватывая ее на руки и баюкая. — Все будет хорошо.

Не будет, хотелось сказать Марине, уже никогда не будет! Но голос не слушался, а слезы мешали дышать. Папы больше нет! А без него хорошо быть не может!..

Нед бормотал что-то успокоительное, гладил ее по волосам и качал на руках, как морской прибой. И голос его был похож на прибой. Так похож, что Марина уснула. Как-то сразу и незаметно, вовсе не думая спать. И проснулась ранним утром с четким пониманием: ее жизнь закончилась сегодня. И либо начнется новая, либо она умрет в монастыре Святой Агнессы, вдали от моря и родных зеленых холмов.

Глава 2,
*в которой благородный дон пытается
героически погибнуть*

Загробная жизнь благородного дона Антонио Гарсия Альвареса де Толедо-и-Бомонт, графа де ла Вега, началась около пяти часов пополудни десятого августа тысяча пятьсот... или тысяча шестьсот... не будем уточнять, года от Рождества Христова. С палящего солнца, радостно-деловитого ора по-английски и сладкой винной лужи под щекой. Странно, но боли он не чувствовал — вообще ничего не чувствовал, вместо привычных ощущений была легчайшая пустота! — хотя ясно помнил, как английский клинок задел по боку как раз перед тем, как что-то еще раз ударило его по голове и он умер.

«Каналья капитан, не поделился флорентийским трофейным, зря пропало». — Только он успел подумать какую-то чушь и скорее от растерянности попытался нащупать шпагу, как его за волосы грубо вздернули над палубой.

— Эй, Смолли, еще живой испа... — завопили позади надтреснутым басом.

Вопль оборвался на полуслове. Антонио Гарсия Альварес де Толедо-и... не будем утомлять тебя, достойнейший читатель сих строк, перечислением всех имен благородного дона, а назовем его просто, по-семейному: его светлость граф де Ла... э... то есть Антонио. Даже Тоньо — как называл его в приступах нежности отец и как кликала его в детстве нянюшка. Так вот, Тоньо намного быстрее, чем читаются эти строки, пнул англичанина в колено крепким испанским каблуком. Пнул он даже прежде, чем успел со-

считать количество «голых дьяволов» вокруг. Их было преизрядно, так что единственным разумным вариантом было бы притвориться покорным ягненком... Но этот вариант благородный дон не рассматривал в принципе. Как неблагородный, не достойный истинного идадьго и не годный ни при жизни, ни тем более после смерти. Потому Тоньо попытался тут же обезоружить онемевшего от адской боли противника и рвануть... да хоть к ближайшему проклятому английскому пирату!

Увы.

То ли слава испанских сапог оказалась несколько преувеличена, то ли в матросы к каналье Моргану нанялся сам морской дьявол — не суть. А суть в том, что англичанин и не подумал выпустить волосы благородного дона — знатную, надо сказать, черную и вьющуюся по испанскому обычаю гриву, — и ни черта у благородного дона не вышло в смысле героически погибнуть — еще раз, уже окончательно, — прихватив на тот свет как можно больше врагов Испании. Вышло лишь заработать пинок тяжелой английской ногой пониже спины и совершенно неромантичный и негероический фонарь под глазом. Тяжелой английской рукой.

Тут бы нашему дону посетовать на некуртуазность английских пиратов и смириться перед тяжелой дланью судьбы, подвесившей его, как беспомощного кутенка, между жизнью земной и подобающим местом на том свете, но не тут-то было. Благородные доны так просто не сдаются!

Так что целых пять секунд дон потратил на обзаведение новыми синяками, а заодно наделением синяками и ссадинами проклятых пиратов, раз уж ни